
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ УРОВНЯХ (ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА)

CURRENT ISSUES OF ORGANIZED CRIME COUNTERACTION ON THE LEGISLATIVE AND LAW-ENFORCEMENT LEVELS (ROUND TABLE SUMMARY)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И
КРИМИНОЛОГИИ И
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА БГУЭП

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ НА
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ И
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ
УРОВНЯХ»**

21 июня 2013 г. кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права совместно с редакционной коллегией «Криминологического журнала Байкальского государственного университета экономики и права» был проведен круглый стол по теме «Актуальные вопросы противодействия организованной преступности на законодательном и правоприменительном уровнях».

В работе круглого стола приняли участие ведущие специалисты в области уголовного права и криминологии,

уголовно-исполнительного права, работники правоохранительных органов, судебной системы РФ, представители общественности, заинтересованные и обеспокоенные проблемами, связанными с противодействием преступлениям, совершаемым организованными преступными формированиями.

Тема круглого стола инспирирована особым вниманием научных кругов и законотворческих органов государственной власти к проблеме противодействия организованной преступности в контексте неуклонного роста числа преступлений, совершаемых на транснациональном и внутригосударственном уровнях организованными преступными формированиями и представляющих реальную угрозу как государственной, так и общественной безопасности.

Поддерживая решение, принятое в ходе работы круглого стола, проведенного 5 марта 2013 г. под руководством председателя комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И.А. Яровой, на тему «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты», о необходимости принятия кардинальных мер по повышению эффективности действующего в РФ механизма противодействия преступлениям, совершаемым организованными преступными формированиями, участники круглого стола высказали мнение относительно основных направлений модернизации национальной уголовно-правовой политики по обеспечению общественной и государственной безопасности.

Заседание круглого стола было открыто представлением доклада заведующего отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, международных отношений и противодействия экстремизму НИИ

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, вице-президента Общероссийской общественной организации «Российская криминологическая ассоциация», доктора юридических наук, профессора В.В. Меркурьева (г. Москва).

По мнению профессора В.В. Меркурьева, оценка современных угроз национальной безопасности России настоятельно требует безотлагательной выработки стратегических контрмер в борьбе с организованной преступностью. Заметным ростом в 2012 г. характеризуются такие проявления организованной преступности, как незаконный оборот оружия; бандитизм; организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) и другие наиболее типичные для организованных групп или преступных сообществ преступления.

Наибольшее число преступлений, уголовные дела и материалы о которых окончены

расследованием либо разрешены в отчетном периоде, было зафиксировано в Центральном федеральном округе – 5 422 (удельный вес в общем числе преступлений составил 27,1 %); Приволжском федеральном округе – 4 111 (20,5 %); Сибирском федеральном округе – 2 811 (14,0 %); Северо-Западном федеральном округе – 1 931 (9,6 %). При этом существенным увеличением числа преступлений названной категории характеризуется Северо-Кавказский федеральный округ, где темпы прироста к абсолютному показателю предыдущего года составили 58,1 %.

Опасной тенденцией в деятельности организованной преступности признается стремление проникнуть и закрепиться в легальных секторах экономики с целью обеспечения масштабной легализации своих сверхдоходов. В процессе жесткой борьбы за право контролировать бюджетные средства, прибыльные сферы экономической деятельности и территории совершенствуется организационная основа преступных сообществ, коррумпируется и вовлекается в преступную деятельность государственный аппарат. Среди методов воздействия используются такие, как дискредитация должностных лиц и служащих, шантаж, угрозы и физическое устранение.

К числу основных универсальных приемов страхования криминальных рисков, принимаемых организованной преступностью в целях обеспечения собственной безопасности и противодействия правоохранительным органам, относится установление широких

коррупцированных связей в законодательных, судебных, исполнительных, в том числе правоохранительных органах. Так, на одно раскрытое преступление, совершенное организованными преступными формированиями, приходится семь нераскрытых – искусственно латентных (субъектно-латентных) преступлений. Число преступлений прошлых лет и снятых с учета, уголовные дела по которым прекращены по реабилитирующим основаниям, в среднем более чем в 4 раза превышает число преступлений, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде.

Проведенные в этой области исследования показали, что снижение результативности работы правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование за организованную преступную деятельность, в значительной степени определялось способностью организованных преступников блокировать реакцию государства, его правоохранительный потенциал и противодействовать осуществлению правосудия путем подкупа должностных лиц органов государственной власти. За период с 2006 по 2011 гг. на одно раскрытое органами предварительного следствия преступление экономической направленности в среднем статистика фиксировала почти пять искусственно латентных преступлений, в том числе два преступления, уголовные дела по которым были прекращены за отсутствием события или состава преступления. В 2012 г. это же соотношение было рекордным – один к восьми.

Среди закономерностей функционирования организованной преступности были отмечены: реализация преступных схем руководителями крупных коммерческих организаций и должностными лицами органов государственной власти; тщательная конспирация; выделение части преступных доходов для коррупции; лоббирование своего криминального интереса и опережение законодателя; умелое использование его просчетов, позволяющее организованным преступным формированиям не только выживать, но даже наступать, «одерживая победы» в противоборстве с силами государственной системы обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время стратегическими целями национальной системы являются: во-первых, сокращение масштабов организованной преступности и незаконной предпринимательской деятельности; во-вторых, устранение условий,

способствующих созданию и воспроизводству материальной базы терроризма, организованной преступности, наркобизнеса и коррупции; в-третьих, предотвращение незаконного вывода денежных средств и доходов за рубеж; в-четвертых, создание условий для обеспечения репатриации денежных средств и доходов, полученных преступным путем и незаконно выведенных за рубеж; и, наконец, обеспечение эффективной реализации полномочий государственных органов и организаций, участвующих в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, оптимизация механизмов координации их деятельности и взаимодействия между ними.

В контексте поиска наиболее оптимальной системы функционирования подразделений по борьбе с организованной преступностью одной из мер можно считать консолидацию служб, задействованных в борьбе с организованной преступностью, например создание Федеральной службы по борьбе с коррупцией и организованной преступностью (ФСБКОП). Возможно ее слияние с Росфинмониторингом? Почему бы и нет.

В связи с этим представляется обоснованным предложение о проведении не реже одного раза в полугодие в субъектах Российской Федерации прокурорских проверок законности и обоснованности принятых решений органами предварительного следствия при возбуждении, приостановлении, прекращении, расследовании уголовных дел по преступлениям, совершенным участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций).

Особое внимание предлагается уделить состоянию законности при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, в том числе за отсутствием события либо состава преступления, в отношении таких преступлений, как убийство, бандитизм, организация преступного сообщества или участие в нем, а также преступлений в сфере экономической деятельности.

С другой стороны, в отсутствие комплексного закона о борьбе с организованной преступностью нельзя признать эти меры достаточными и соразмерными современному ее состоянию, при котором организованная преступность фактически овладела всеми современными методами эффективного хозяй-

ствования, включая умелую (и беспощадную) борьбу с конкурентами, долгосрочный мониторинг рынка, использование международных связей, организованное сопротивление правоохранительной деятельности и др.

Поэтому остро необходимо принятие специального закона «О борьбе с организованной преступностью» в силу объективной потребности объединения в логической взаимосвязи отдельных правовых норм, регулирующих эту сферу правоохранительной деятельности и разбросанных по многочисленным нормативным правовым актам различных отраслей права, с использованием передового опыта других стран (ярким примером являются законы RICCO США).

Однако, несмотря на постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 4 сентября 2006 г. № 1 «О состоянии организованной преступности в Российской Федерации и мерах по усилению борьбы с ней» (п. 1.3.1), вопрос о разработке Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» и Федеральной целевой программы не решен.

Как известно, во исполнение указанного постановления в 2007 г. группой разработчиков под руководством профессора А.И. Долговой в НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ совместно с МВД России и ФСИН России подготовлен пакет законопроектов, в том числе проект Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», который был направлен в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, МВД и ФСИН России. Указанные законопроекты направлялись на внешнее рецензирование в Главное управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, в Управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму Генеральной прокуратуры РФ, в управления Генеральной прокуратуры во всех федеральных округах, прокуратуры 17 субъектов Российской Федерации, МВД России, ФСИН России, СВР, ФСБ России. К сожалению, до сих пор не понятно, почему не принято никакого решения на этот счет. Кому выгодно более 15 лет не принимать закон о борьбе с организованной преступностью?

Вследствие этого совершенно оправданными являются озвученные в ходе работы

круглого стола на тему «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты» (Москва, 5 марта 2013 г.) рекомендации Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации по разработке проекта Федерального закона «О противодействии организованной преступности в Российской Федерации», содержащего понятийный аппарат, систему субъектов борьбы с организованной преступностью, комплекс специальных мер по предупреждению организованной преступности, механизмы возмещения убытков и устранения иных последствий деятельности организованных преступных формирований, предусматривающего международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью, гарантии законности и безопасности борьбы с организованной преступностью, финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности субъектов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью.

Проблемы противодействия организованной преступности с помощью уголовно-правовых средств нашли отражение в выступлении заведующего кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ А.И. Парога (г. Москва).

В своем выступлении профессор А.И. Парог отметил, что организованная преступность представляет собой сложное социально-правовое явление, которое подвергается серьезным научным исследованиям в плане сущности, признаков, структуры и мер противодействия. Поэтому криминология разрабатывает не только общие направления противодействия данному явлению, но и специфические формы воздействия на отдельные виды организованной преступности. Среди средств воздействия на организованную преступность важное место занимают уголовно-правовые средства, так как от качества уголовного закона в немалой степени зависит эффективность противодействия организованной преступности.

Приоритетным направлением противодействия организованной преступности следует считать устранение коллизий в уголовном законодательстве, в частности в регламентации уголовно-правовых норм, предназначенных противодействовать конкретным видам организованной преступности: экономической, террористической, экстремистской, коррупционной, незаконному обороту наркотиков и оружия, торговле людьми и эксплуатации проституции и т.д.

Проблема криминологии закона подтверждается наличием двух недостатков в содержании ст. 205 УК РФ: приравнением по степени общественной опасности реально совершенного террористического акта к угрозе его совершения (ч. 1 ст. 205 УК РФ); формулировкой цели террористического акта, существенно сужающей сферу применения данной нормы, поскольку многие теракты совершаются из экстремистских побуждений и не преследуют достижения указанной в законе цели.

Среди различных видов организованной преступности особое место занимает коррупционная преступность. В качестве основного недостатка антикоррупционных норм следует признать несоблюдение принципа соответствия между степенью общественной опасности участника коррупционных схем и размером установленного за это наказания. Включение в УК РФ ст. 205¹ рассматривается как нарушение принципа более снисходительного отношения к пособнику, чем к иным соучастникам преступления.

С нарушением требования системности уголовного закона было осуществлено включение ст. 291¹ в УК РФ. Криминализовав посредничество во взяточничестве, законодатель не сделал того же применительно к такому коррупционному преступлению, как коммерческий подкуп. При значительном размере взятки посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ) наказывается строже (до 5 лет лишения свободы), чем дача взятки (ч. 2 ст. 291 УК РФ – до 3 лет). При крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (как и получение взятки) наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (п. «б» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ), тогда как дача взятки – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ). Так, если обещание или предложение посредничества во взяточничестве (независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих

признаков) наказывается лишением свободы на срок до 7 лет, то реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих признаков вообще не наказуемо, а при значительном размере взятки наказывается лишением свободы максимум на 5 лет.

Регламентированная в законе «дифференциация» наказания демонстрирует непоследовательность принимаемых законодателем решений в части оценки степени опасности посредничества во взяточничестве, как и его обещания или предложения, по сравнению с опасностью дачи или получения взятки.

Таким образом, включение в ст. 205¹ УК РФ части третьей с установлением за пособничество совершению преступлений террористического характера более строгого наказания, чем за непосредственное исполнение теракта, а также дополнение ст. 291¹ УК РФ частью пятой, предусматривающей более строгое наказание для посредника, чем для взяткодателя, следует рассматривать как законотворческие ошибки, которые подрывают основные положения института соучастия и порождают ряд неразрешимых теоретических проблем и сложностей в правоприменительной практике.

В работе круглого стола принял участие заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А.И. Коробеев (г. Владивосток).

В своем выступлении профессор А.И. Коробеев подчеркнул, что преступность в России в первые десятилетия XXI в. развивается по восходящей экспоненте и своего кульминационного пика еще не достигла. Анализируя современное состояние преступности в России, необходимо принимать во внимание развитие криминальных процессов во всем мире. Если оценивать состояние российской преступности в контексте общемировых тенденций, то окажется, что она приближается к преступности, характерной для стран с устойчивой рыночной экономикой и демократической социально-правовой системой.

Например, коэффициенты преступности (на 100 тыс. населения) составляли в последние годы в среднем: в ФРГ – 7 100, Англии – 6 900, США – 5 800, Италии – 3 800, России – чуть более 2 000. Данные ООН за последние 40 лет, отраженные в обзорах преступности, показывают, что преступность в мире увеличилась в 3–4 раза. В некоторых странах эта тенденция проявилась сильнее. Так, в США – в 7,1 раза; во Франции – в 4,6. За этот же период преступность в России увеличилась в 4 раза.

Наиболее опасной формой современной российской преступности (и одновременно самой характерной ее тенденцией) стала организованная преступность. Организованная преступность монополизировала многие виды противоправной деятельности, внедрилась в новые экономические и политические структуры, заняла господствующее положение в распределительной сфере.

На место общеуголовной преступности пришли крупномасштабные организованные акции, посягающие на государственный строй, его экономические, политические и нравственно-правовые основы. На первый план вышли преступления, связанные с терроризмом, незаконным оборотом оружия, наркотических средств, торговлей людьми, незаконной миграцией, организованным вымогательством, фальшивомонетничеством, отмыванием «грязных» денег и т.п.

Раскрывая «феномен организованной преступности», можно выделить следующие особенности. Во-первых, в уголовной статистике отражается лишь небольшая часть фактически совершаемых организованными преступными формированиями и группами преступлений. Преступления таких формирований предстают в уголовных делах как отдельные преступления одного лица или небольшого числа лиц. Отмечается высокий уровень латентности таких преступлений. Если общий расчетный уровень латентности в современной России определяется в 70 %, то латентность преступлений, совершаемых организованными группами, приближается к 100–200 %. Например, в 2001 г. в России зарегистрировано 118 случаев организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), латентность же этого вида преступной деятельности составила 203 случая. В 2002 г. соответствующие показатели данного преступления выражались уже цифрами 404 и 1 071. Таким образом, коэффициент латентности составил в последнем случае 3,4. Для

сравнения: в 2007 г. зарегистрировано 337, в 2012 г. – 202 преступления, предусмотренных ст. 210 УК РФ.

Скрытый характер организованной преступности, незафиксированность ее истинных масштабов в судебной статистике приводят некоторых российских ученых к выводу, что проблема организованной преступности в России преувеличена, организованными формированиями совершается 1–2 % всех регистрируемых преступлений. Криминологи постоянно бьют тревогу, убеждая общество, что организованная преступность проникла во все сферы государства, что она растет невиданными темпами. А криминалисты в ответ просят: покажите нам преступников, признанных таковыми по приговору суда за совершение конкретных преступлений, и назовите цифру таких приговоров. Цифра же эта ничтожна: на долю организованной преступности приходится лишь 1–1,5 % зарегистрированных уголовно наказуемых деяний.

Одной из причин недостаточной эффективности борьбы с организованной преступностью является пробельность в уголовной наказуемости отдельных видов организованной преступной деятельности. Эта пробельность в УК РФ до сих пор не устранена, поскольку комплексный Закон о борьбе с организованной преступностью пока не принят. Зато есть яркие примеры законодательства со знаком минус (имеется в виду исключение в 2003 г. российским законодателем из системы уголовных наказаний конфискации имущества).

Из изложенного становится ясно, что законотворческие процессы в сфере борьбы с организованной преступностью не могут быть правильно поняты и раскрыты без анализа правоприменительной практики, а также без учета всей совокупности экономических, социальных, политических, идеологических, организационных факторов, порождающих феномен организованной преступности. Сегодня российское общество и российское государство столкнулись с угрозами, которые являются для нас относительно новыми. К числу таких угроз относится и организованная преступность. Тем не менее мы сегодня имеем определенные возможности для того, чтобы минимизировать эту угрозу. Как скоро мы справимся с этой задачей, покажет самое ближайшее будущее. Пока же приходится констатировать, что эффективность борьбы с организованной преступностью в России невысока.

Несмотря на все усилия правоохранительных органов России, поставить организованную преступность под контроль не удастся, число преступлений, совершаемых организованными преступными группами, с каждым годом растет, сфера организованной преступной деятельности расширяется, а выявляемость и раскрываемость этих преступлений правоприменительными органами остается крайне низкой. По данным российских криминологов, примерно в 40 % случаев подсудимые по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества) судами оправдываются, а данная статья из обвинения исключается.

31 % опрошенных в 2000–2001 гг. сотрудников правоохранительных органов считали, что организаторам, руководителям организованных преступных формирований удастся полностью избежать уголовной ответственности, 28 % полагали, что такие лица привлекаются лишь в качестве рядовых исполнителей, 26 % – в качестве организаторов только конкретного преступления, в том числе 11 % – за хранение наркотиков, 14 % – за иные преступления, не связанные непосредственно с деятельностью организованных преступных сообществ.

Каков же выход из сложившейся ситуации? По каким направлениям необходимо вести борьбу с организованной преступностью, с тем чтобы если и не полностью искоренить ее, то хотя бы поставить в контролируемые государством рамки? На все поставленные вопросы ответ необходимо искать в концепции политики российского государства в сфере борьбы с преступностью в целом, и организованной преступностью в особенности. Проект такой концепции разработан, но в форму нормативного акта пока не воплощен.

Предложение о необходимости совершенствования уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) прозвучало в выступлении профессора кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, доктора юридических наук, профессора Л.М. Прокументова (г. Томск).

По мнению профессора Л.М. Прокументова, эффективность предупреждения групповой преступности – и наиболее опасного ее вида – преступности организованных групп – во многом зависит от совершенства законодательной формулировки уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность лиц, совершивших преступления в составе организованных групп и (или) преступного сообщества (преступной организации).

Так, в соответствии с Федеральным законом РФ от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ч. 4 ст. 35 УК РФ были внесены изменения. В действующей редакции УК РФ под преступным сообществом понимается объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Из приведенного определения можно выделить признаки преступного сообщества. Во-первых, законодатель, отказавшись от признака «сплоченность», понимает под преступным сообществом «организованную структурированную группу». Отметим, что структурная определенность группы – один из важнейших признаков понятия «устойчивость», которое является конституирующим признаком организованной группы. Она выступает следствием структурных связей, сложившихся в группе, и обуславливается личностной обозначенностью ее членов, т.е. способом личного выражения и структурной ее интеграции и дифференциации. Структурная интеграция предполагает обмен членов группы функциями в осуществлении совместной преступной деятельности. Структурная дифференциация предполагает разделение функций между членами группы в осуществлении совместной преступной деятельности. В этой связи можно утверждать, что «организованная структурированная группа» ничем не отличается от «организованной группы».

По мнению законодателя, основное различие этих групп в цели их объединения: организованная группа объединяется для совершения одного или нескольких преступлений без указания их тяжести, а организованная структу-

рированная группа объединяется для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Представляется, что некорректно определять преступное сообщество через направленность его цели на совершение тяжких либо особо тяжких преступлений, поскольку получается, что тяжким преступление признается при его совершении организованной группой, а организованная структурированная группа признается преступным сообществом, если совершила тяжкое или особо тяжкое преступление.

Необоснованно указывать в качестве цели преступного сообщества стремление его членов получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду. Определение цели наживы для преступного сообщества является крайне узким, поскольку у сообщества могут быть и другие цели, к достижению которых оно может стремиться. Такое определение цели может привести к тому, что некоторые преступления, относящиеся к тяжким или особо тяжким, не будут квалифицированы как совершенные в составе преступного сообщества (преступной организации). Например, преступления террористической, экстремистской направленности, поскольку их совершение, как правило, не обусловлено получением материальной выгоды, они направлены на достижение иных целей.

Цель, которую следовало бы выделить применительно к преступному сообществу, – это осуществление преступной деятельности, под которой мы понимаем систематическое совершение преступлений, способствующее воспроизводству преступной среды. Так, в настоящее время все организаторы предыдущих террористических актов уничтожены или отбывают наказание, но их место заняли другие лица. Таким образом, не устраняется (не меняется) среда, которая восстанавливает, а нередко увеличивает их численность.

Преступным сообществом является и объединение организованных групп, действующих под единым руководством. Введением признака «единого руководства» законодатель, очевидно, хотел подчеркнуть, что такое преступное сообщество представляет собой качественно новое образование, возникшее на основе объединения не просто организованных групп, но и под единым руководством. На-

личие последнего свидетельствует о большей степени структурированности и внутригруппового взаимодействия членов таких групп, что объективно повышает качество совместности как для создания условий для совершения преступлений, так и для совершения самих преступлений, и о большей общественной опасности таких объединений по сравнению с простой организованной группой.

Как и организованная структурированная группа, объединение организованных групп, действующих под единым руководством, создается в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Наше отношение к установленной в законе цели, для достижения которой объединяются организованные группы, действующие под единым руководством, неизменно: она слишком узка и не учитывает реально существующих целей, к достижению которых стремятся объединения организованных групп.

Правоприменители в настоящее время могут руководствоваться и таким пониманием положений закона, которое предусматривает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Высший судебный орган предлагает правоприменителям свое понимание преступного сообщества, прямого (косвенного) получения финансовой или иной материальной выгоды, структурированной организованной группы, объединения организованных групп, структурного подразделения преступного сообщества и т.д. Отметим, что, во-первых, Пленум Верховного Суда РФ дает разъяснения далеко не всех вопросов, связанных с характеристикой признаков преступного сообщества (преступной организации), во-вторых, отдельные разъяснения спорны и с очевидностью не вытекают из положений, сформулированных в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Несовершенство законодательной формулировки ч. 4 ст. 35 УК РФ, несовершенство разъяснений высшего судебного органа обуславливают проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в составе преступного сообщества (преступной организации).

Проблемы реализации норм об ответственности за организацию преступного сообщества были освещены в выступлении заведующего кафедрой уголовного права Хабаровского филиала ФГКОУ ДПО «Институт повышения квалификации» Следственного комитета Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, полковника юстиции Е.П. Кима и заведующего кафедрой уголовного процесса Хабаровского филиала ФГКОУ ДПО «Институт повышения квалификации» Следственного комитета Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента, полковника юстиции К.А. Костенко (г. Хабаровск).

По мнению полковника юстиции, профессора Е.П. Кима и полковника юстиции, доцента К.А. Костенко, привлечение лица в качестве обвиняемого по уголовным делам о преступлениях, совершенных в составе преступного сообщества, требует от следователя высокого уровня ответственности и профессионализма. Для правоприменителя ориентиром при подготовке процессуальных документов по делам рассматриваемой категории является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», разъясняющее, что преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью.

Между тем организованная преступность «идет в ногу со временем», используя современные технические средства, информационные технологии и ресурсы, поддерживая коррупционные отношения с исполнительными органами государственной власти. Практика свидетельствует, что преступное сообщество (преступная организация), как правило, состоит из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированному преступному сообществу кроме единого руководства присущи взаимодействие различных его подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения своей деятельности.

В Дальневосточном федеральном округе участились случаи проникновения организованной преступности во властные структуры, а также вовлечения в преступную деятельность представителей государственной власти – судей, сотрудников Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной пограничной службы, Федеральной таможенной службы и других ведомств.

Все чаще участие в криминальных схемах преступных сообществ принимают лица, имеющие особый правовой статус. На основании ст. 447 УПК РФ к данной категории лиц относятся депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица органов местного самоуправления, судьи, прокуроры, следователи и др. В зависимости от статуса указанные лица наделяются дополнительными процессуальными гарантиями, специальной неприкосновенностью, установленной Конституцией РФ. Следователи Следственного комитета Российской Федерации Дальневосточного федерального округа сталкиваются со многими проблемами, в частности с определением статуса специального субъекта при истечении его полномочий.

Одной из проблем раскрытия преступной деятельности организованных преступных сообществ является то, что признаки преступной организации, изложенные в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, должны быть подтверждены допустимыми доказательствами, собранными на стадии предварительного расследования уголовного дела.

В связи с этим в зависимости от конкретной ситуации определенные трудности возникают при установлении таких обстоятельств, подлежащих доказыванию и включению в описательно-мотивировочную часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого по делам об организации преступного сообщества (преступной организации), как момент фактического образования преступного сообщества; сведения о лице (лицах), осуществляющем (-их) руководство преступным сообществом; цель организаторов и членов в совершении конкретного преступления; действия, свидетельствующие о готовности преступного сообщества (преступной организации) реализовать свои преступные намерения.

Немаловажное место отводится установлению действий по осуществлению управленческих функций в рамках преступного сообщества, например в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества, в подготовке к совершению преступлений, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и в распределении средств, полученных от преступной деятельности, в легализации денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества в государственные, в том числе правоохранительные органы.

Ключевые направления модернизации уголовно-правовой политики по противодействию организованной преступности были обозначены в выступлении профессора кафедры уголовного права Московского государственного

юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора Т.Г. Понятовской (г. Москва).

Одной из мер по повышению эффективности борьбы с организованной преступностью, по мнению профессора Т.Г. Понятовской, следует рассматривать комплекс методов ре-

агирования на общественно опасные деяния. Актуальным направлением противодействия преступности являются предупредительные и профилактические мероприятия. К числу мер по предупреждению рецидивной преступности, носящей организованный характер, и оказанию индивидуального профилактического воздействия на личность в целях защиты государственных и общественных интересов необходимо отнести административный надзор.

В соответствии с действующим законодательством административный надзор представляет собой осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей. Вследствие этого наиболее остро стоит вопрос о целесообразности уголовно-правовой регламентации административного надзора как иной меры уголовно-правового характера.

Установление административного надзора предполагает посткриминальное поведение лица, имеющее негативную социальную направленность и свидетельствующее о большой вероятности совершения им нового преступления. Формализация специальных оснований установления административного надзора обусловлена криминологическими особенностями преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также опасного и особо опасного рецидива преступлений. Типология личности в обоих случаях характеризуется тенденцией к возобновлению преступной деятельности.

Установление административного надзора призвано решать задачи по предупреждению совершения поднадзорным новым преступлением, а также индивидуально профилактическому воздействию на поднадзорных лиц. В инструментальном плане предусмотренные законом ограничения можно разделить на две группы: ограничения, устраняющие условия для совершения нового преступления, и ограничения, обеспечивающие контроль за поднадзорным лицом.

По смыслу закона ограничения призваны обеспечить специальное предупреждение, устранить условия, способствующие совершению поднадзорным лицом нового преступления. Их установление – задача суда, индивидуализирующего неуголовное принуждение с учетом

как оснований установления административного надзора, так и обстоятельств жизни поднадзорного, а также характеристики его личности.

Административный надзор имеет уголовно-правовую природу, так как условиями его установления являются: освобождение из мест лишения свободы; наличие судимости за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Задача специального предупреждения – главная (если не единственная) функция административного надзора. В ней сосредоточен весь его социально-политический смысл (что свойственно всем мерам безопасности). Именно обеспечение общей безопасности от неблагополучной в криминальном отношении личности сегодня признано уважительным основанием для применения государственного принуждения за рамками обвинительного приговора суда. Воспрепятствование решению этой задачи представляет угрозу общей безопасности.

Немаловажным в противодействии организованной преступности следует считать установление административного надзора за лицами, совершившими преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, частей растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Коллизийностью российского законодательства является установление административного надзора в порядке гражданского судопроизводства. Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ в Гражданско-процессуальный кодекс РФ введена гл. 26.2 «Производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

В этой связи на правоприменительном уровне возникли следующие противоречия: условия, основания и цели установления и осуществления административного надзора являются уголовно-правовыми, содержание и форма – административными, а процедура установления и осуществления – гражданско-процессуальной?!

Рассматривая административный надзор как эффективное средство воздействия на ор-

ганизованную преступность путем комплекса предупредительных и профилактических мер, следует признать целесообразность уголовно-политического обоснования, теоретического осмысления и законодательного его оформления как иной меры уголовно-правового характера. Задействование административных ресурсов для решения задач специального предупреждения, создания системы мер безопасности от неблагополучной в криминальном отношении личности – направление уголовной политики, для которого нужна политическая воля и социальная необходимость. К сожалению, законодатель не всегда считается с тем, что одни и те же факты, обстоятельства, отношения урегулированы в нормах других отраслей права, вписаны в схему юридической ответственности и механизмов ее реализации.

Актуальные вопросы противодействия организованной преступности на региональном уровне были раскрыты в выступлении доцента кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидата юридических наук, доцента И.В. Лавыгиной (г. Иркутск).

Как было отмечено доцентом И.В. Лавыгиной, одной из актуальных проблем противодействия организованной преступности на территории Иркутской области является борьба с незаконной рубкой лесных насаждений. Учитывая, что в области сосредоточено 12 % общероссийских запасов древесины, ущерб от незаконных заготовок леса в регионе крайне велик. Так, например, только в 2012 г. ущерб составил 1,2 млрд р. За совершение экологических преступлений за последние десять лет наиболее распространенной по количеству осужденных лиц является ст. 260 УК РФ – «Незаконная рубка лесных насаждений». Доля осужденных по указанной статье уголовного закона составляет 94 % от общего количества осужденных за экологические преступления в Иркутской области.

Количество вынесенных обвинительных приговоров и, соответственно, число лиц,

привлеченных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, кардинально отличаются от показателей регистрируемой экологической преступности. Так, за период с 2003 по 2012 гг. в Иркутской области было зарегистрировано 19 528 фактов незаконных рубок лесных насаждений, в то время как к уголовной ответственности привлечено 3 675 человек (19 %).

Федеральным законом от 29 декабря 2001 г. № 192-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» в качестве особо квалифицирующих признаков предусмотрено совершение незаконной рубки лесных насаждений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Соответственно, говорить об организованных формах преступной деятельности в лесопромышленном комплексе с полным правом стало возможным только с 2002 г.

Установление форм соучастия, раскрытие групповых преступлений, связанное с выявлением всей цепочки исполнителей, организаторов, пособников, несомненно, имеет ряд проблем на правоприменительном уровне. Достаточно ярко проявляется способность организованных преступных формирований к трансформации преступной деятельности в рассматриваемой сфере.

Организованная преступность стремится к обретению легальных форм. Проникновение во власть является необходимым звеном в осуществлении преступной деятельности в данной области. Не случайно в настоящее время развитие получила дискуссия о соотношении коррупции и организованной преступности. Экологическая безопасность в большей мере подвержена рискам в связи с деятельностью организованных форм преступной деятельности в области незаконной рубки леса, которые существуют под прикрытием правоохранительных структур и представителей власти. Основной потребитель незаконно заготовленной древесины – зарубежный партнер. Поэтому организованная преступность в сфере незаконных рубок леса имеет ярко выраженный транснациональный характер. Организованная деятельность в области незаконных рубок леса высоколатентна. Достаточно высоким, согласно полученным в ходе социологического опроса и анкетирования эмпирическим данным, является процент неустановленных и незаявленных фактов совершения данного преступления.

В целях повышения эффективности противодействия организованной преступности целесообразно внести изменения в содержание ст. 260 УК РФ: 1) исключить такой квалифицирующий признак, как «группа лиц», предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 260 УК РФ; 2) заменить данный признак на отягчающее обстоятельство в виде «группы лиц по предварительному сговору»; 3) исключить из ч. 3 ст. 260 УК РФ «группу лиц по предварительному сговору»; 4) предусмотреть в ч. 3 ст. 260 УК РФ п. «а», регламентирующий совершение указанного деяния в особо крупном размере, и п. «б» – совершение указанного деяния организованной группой.

Тенденции и проблемы противодействия организованной преступности в контексте криминологического исследования мнения сотрудников полиции, осуществляющих расследование организованных преступлений, были раскрыты в выступлении доцента кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, кандидата юридических наук, доцента А.А. Христюк (г. Иркутск).

На основе полученных доцентом А.А. Христюк в ходе анкетирования сотрудников полиции данных были выявлены особенности структуризации, форм деятельности и показатели борьбы с организованной преступностью в Иркутской области. Большинство опрошенных сотрудников органов внутренних дел считают, что проблема организованной преступности является весьма актуальной для Восточно-Сибирского региона России. Среди современных тенденций организованной преступности респонденты назвали укрепление связей организованных преступников с коррумпированными должностными лицами (54 %) и осуществление своей деятельности в легальном режиме с использованием официально зарегистрированных юридических лиц (46 %).

31 % опрошенных сотрудников органов внутренних дел отметили, что именно проявления коррупции препятствуют выявлению преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами. Причем 23 % опрошенных известны случаи

получения взятки коллегами от члена или лидера организованного преступного формирования. 78 % респондентов отмечают транснациональный характер региональной организованной преступности.

Почти все сотрудники органов внутренних дел указали на то, что в настоящее время члены организованных преступных формирований занимаются серийным совершением как однородных, так и разнородных преступлений. 77 % респондентов уверены, что совершение преступлений сопровождается занятием легальной и полуправильной предпринимательской деятельностью.

В ходе анкетирования выявлено, что интерес организованных формирований в Иркутской области направлен на такие сферы экономики, как предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности; топливно-энергетический сектор; предприятия по выпуску спирта, ликеро-водочной продукции и безалкогольных напитков; банки и финансовые структуры. Характерными для организованной преступности являются такие виды незаконной деятельности, как контроль игорного бизнеса (казино, бильярдные, игровые автоматы и т.д.); хищение автомобилей; контроль рынка торговли наркотиками; разбойные нападения; вымогательство; контроль рынков, магазинов, торговых точек и контроль рынка проституции.

100 % респондентов уверены, что организованные преступные формирования полностью поделили регион на сферы влияния. При этом 10 % респондентов считают, что деление осуществлено по территориальному принципу; 46 % участвовавших в опросе указывают на отраслевой подход к делению территории региона; 44 % опрошенных отмечают наличие двух названных критериев при установлении сфер влияния.

Относительно эффективности существующей правовой основы для контроля над организованной преступностью 77 % опрошенных полагают, что действующее федеральное законодательство не регулирует борьбу с организованной преступностью и нуждается в серьезной корректировке. В частности, 55 % из них считают, что принятие Федерального закона о противодействии организованной преступности способствовало бы решению этой задачи.

Среди причин, препятствующих эффективному выявлению преступлений, совер-

шенных организованными группами и преступными сообществами, были отмечены недостатки в работе правоохранительных органов, связанные с отсутствием надлежащей материально-технической базы и нехваткой квалифицированных специалистов; несогласованность в действиях оперативных работников, следователей, прокуроров и государственных обвинителей по выявлению и раскрытию организованных преступлений; недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью; физическая и моральная незащищенность свидетелей и потерпевших от мести организованных преступников; коррупция; равнодушное отношение населения к проблеме организованной преступности. Абсолютное большинство респондентов указали на негативную роль упразднения управлений по борьбе с организованной преступностью.

Основными мерами, которые позволят добиться более эффективного выявления и раскрытия преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, по мнению респондентов, являются обеспечение надежной защищенности свидетелей и потерпевших от мести преступников и их друзей; укрепление материально-технической базы; материальное стимулирование сотрудников правоохранительных органов, участвующих в борьбе с организованной преступностью; повышение уровня специальной подготовки указанных работников; усиление взаимодействия с правоохранительными органами, в том числе и зарубежных стран; принятие специального закона «О противодействии организованной преступности»; специализация судей по указанной категории дел; внедрение специальной методики выявления достаточных оснований для возбуждения уголовных дел этой категории; ликвидация иммунитетов от привлечения к уголовной ответственности должностных лиц; создание единой информационной базы по организованной преступности; совершенствование уголовного законодательства.

Таким образом, организованная преступность достигла уровня, угрожающего национальной безопасности России. Поэтому противодействие ей должно рассматриваться в качестве одного из важнейших направлений деятельности всех правоохранительных и контролирующих органов.

Методологические и теоретические аспекты понятия и признаков организованной преступности получили отражение в выступлении доцента кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики

и права, кандидата юридических наук, доцента В.В. Агильдина (г. Иркутск).

По мнению доцента В.В. Агильдина, актуальность проблематики круглого стола обусловлена повышенной общественной опасностью и ростом числа преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями, а также отсутствием надлежащего механизма борьбы с организованной преступностью.

Российское уголовное законодательство не содержит норм, определяющих понятие организованной преступности. Поэтому до настоящего времени юридическое толкование организованной преступности остается источником споров и разногласий. Для эффективной борьбы с организованной преступностью необходимо определить, что следует понимать под данным явлением. Чтобы раскрыть искомое понятие, целесообразно определить свойства и признаки, которые характеризуют организованную преступность. Это позволит установить отличие организованной преступности от иных видов преступности.

В результате изучения имеющихся теоретических подходов к определению, понятию свойств и признаков организованной преступности, материалов правоприменительной деятельности можно выделить следующие особенности организованной преступности как социально-правового явления. Преступные группировки не имеют политических программ и не стремятся к смене политической власти. Их интерес к власти состоит исключительно в попытке добиться проявления лояльности со стороны представителей власти путем подкупа и иных способов.

«Организованная» преступность в отличие от преступности в целом носит «организованный» характер, выраженный в наличии внутренней системы связей, имеющих структурированную иерархию, в которой преду-

смотрено разграничение таких подсистем, как организатор и руководящее ядро. Внутренняя структуризация организованных преступных формирований базируется на разделении труда и специализации. Членство в организованных преступных формированиях и их деятельность определяются внутренними правилами, за нарушение которых предусмотрена ответственность вплоть до физического устранения. Немаловажным признаком организованной преступности выступает ярко выраженная классификация преступных организаций исходя из этнического, родственного, расового характера.

Особенностью в деятельности организованных преступных формирований является преследование цели получения доходов от законных и незаконных предприятий. Организованная преступность стремится к монополизации контроля над избранной сферой деятельности, используя коррупцию и нейтрализуя официальных должностных лиц и государственных деятелей. Подкуп представителей власти позволяет организованной преступности действовать неприкосновенно, избегая уголовного преследования.

Преступления, совершаемые организованными преступными сообществами, можно разделить на пять групп: 1) преступления, основная целевая деятельность которых направлена на извлечение доходов (хищение оружия и торговля им, незаконный оборот наркотиков, похищение людей, торговля людьми, хищение предметов, имеющих особую ценность, кражи, грабежи, разбои, хищение автотранспорта, организация незаконной миграции, вымогательство, контрабанда, подделка документов и фальшивомонетничество, незаконные операции с драгоценными металлами); 2) преступления, выступающие как способы устранения конкурентов (убийство, причинение вреда здоровью, умышленное уничтожение чужого имущества, террористический акт); 3) преступления, совершаемые для сокрытия ранее совершенного преступления (дача взятки, подкуп); 4) преступления, совершаемые для сохранения капитала (уклонение от уплаты налогов, таможенных платежей); 5) преступления, совершаемые для легализации доходов, полученных от преступной деятельности (легализация имущества и денежных средств, приобретенных преступным путем).

В качестве одного из признаков организованной преступности можно выделить преимущественное использование преступными

формированиями насилия или угроз применения насилия, деморализующих свидетелей, потерпевших и препятствующих раскрытию уголовно наказуемых деяний.

В условиях противодействия организованной преступности ученые предлагают перечислить статьи закона, наиболее характерные для организованной преступности. Но в настоящее время данный подход нецелесообразен, так как, согласно проведенным исследованиям, в структуре преступлений, совершенных организованной преступностью, имеются различия, и зависит это не только от географического фактора. Поэтому представляется более разумным ввести в статьи УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления, наиболее часто совершаемые организованными преступными сообществами, квалифицирующий признак «то же деяние, совершенное преступным сообществом».

Проблема противодействия организованной преступности в контексте рецидивной преступности, повышения эффективности предупредительных и профилактических мер была раскрыта в выступлении заместителя директора Юридического института

по научной работе Томского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента Н.В. Ольховика (г. Томск).

В своем выступлении доцент Н.В. Ольховик отметил, что решению проблемы противодействия организованной преступности должно содействовать снижение уровня рецидивной преступности, так как безопасность общества во многом зависит от процессов ресоциализации осужденных в период исполнения наказания (пенитенциарная адаптация) и их социальной адаптации после освобождения (постпенитенциарная адаптация). Признание данной проблемы на государственном уровне предопределило принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 1772-р от 14 октября 2010 г., которая предполагает повышение эффективности социальной работы в местах лишения свободы, разви-

тие системы постпенитенциарной помощи и в конечном счете сокращение рецидива преступлений среди лиц, отбывших наказание.

Однако начиная с 80-х гг. прошлого века не существует общегосударственного учета рецидива преступлений. Статистика МВД РФ показывает долю рецидивной преступности в общей преступности, а не сам рецидив. В ФСИН России ведется статистика числа совершенных преступлений в период отбывания наказаний, а не после их отбывания. Следовательно, целесообразно восстановить общероссийскую систему учета рецидива, ибо, не зная рецидивную преступность, невозможно разработать оптимальные меры ее предупреждения.

Ресоциализация возможна только при нахождении осужденного в социуме. Учитывая это, предполагаемый переход уголовно-исполнительной системы России (УИС) на тюремный режим отбывания лишения свободы создаст еще больше препятствий для успешной ресоциализации осужденного после освобождения. Еще больше усилий нужно будет приложить, чтобы в условиях изоляции от общества подготовить осужденного к законопослушной жизни в обществе. Поэтому предлагаемый концепцией процесс тюремизации УИС далеко не беспорядный.

Подготовка осужденных к освобождению из мест лишения свободы должна быть направлена на выработку у осужденных объективной способности социализироваться после освобождения и субъективной готовности это сделать. Большую роль в этом играют имеющиеся у осужденного образование и профессиональные навыки. В настоящее время в условиях сокращения в УИС профессиональных училищ, снижения уровня квалификации осужденных и стандартного набора получаемых ими профессий говорить об успешной работе исправительных учреждений по подготовке осужденного к социализации после освобождения не приходится.

Для устранения этого необходимо разработать межведомственную программу профессиональной подготовки осужденных в исправительных учреждениях, которая должна предполагать участие власти, бизнеса и гражданского общества; предоставить преимущество в профессиональной подготовке осужденных общегражданским образовательным учреждениям; отрегулировать систему непрерывного получения осужденными, в том числе после отбывания наказания в виде лишения

свободы, начального и среднего профессионального образования; предусмотреть в УИК РФ возможность выезда осужденных за пределы исправительных учреждений в целях получения образования в общегражданских образовательных учреждениях.

Воспитание у осужденных готовности к социализации после освобождения зависит от стимулирования их поведения еще при отбывании наказания в исправительном учреждении. В качестве стимулов необходимо предусмотреть не только улучшение условий содержания осужденных за соблюдение режимных требований, но и возможность получения осужденными престижной рабочей специальности, относительно высокооплачиваемой работы в местах лишения свободы либо вообще гарантии трудоустройства после освобождения. Целесообразно внести коррективы в прогрессивную систему отбывания наказания, наполнив ее новыми, внешними критериями стимулирования законопослушного поведения осужденных, расширив участие представителей гражданского общества и работодателей. Сделать это невозможно без изменения уголовно-исполнительного законодательства и регламентации понятия исправления осужденного.

Трудовая занятость осужденных в исправительных учреждениях крайне низкая. При этом наблюдается прямая связь между наличием постоянной работы в исправительном учреждении и возможностью человека трудоустроиться после освобождения. Следствием отсутствия постоянной работы в колонии является не только нежелание и отсутствие навыка работать, но и потеря коммуникативных навыков. Должна быть обеспечена максимальная занятость осужденных на оплачиваемых работах с заработной платой, позволяющей накопить за время отбывания наказания средства, достаточные для нормальной социализации в обществе до получения работы и жилища.

Обеспечение осужденных работой напрямую связано с открытием в исправительных учреждениях производственной деятельности. Для решения этой задачи необходимо определить механизмы привлечения частного бизнеса к открытию производств в местах лишения свободы; изменить рейтинговую систему оценки деятельности исправительных учреждений, связанную с привлечением осужденных к труду и получением профессионального образования. В частности, для целей рейтинга учитывать не

только количественные показатели привлечения осужденных к труду и их заработной платы, но и соответствие получаемых осужденными специальностей профессиям, востребованным на региональном рынке труда.

Возникающие трудности и отсутствие социальной помощи в период адаптации к жизни на свободе значительно снижают позитивные результаты по коррекции личности осужденного, достигнутые в период отбывания наказания. Помощь осужденному и его вовлечение в обычные условия жизни общества под контролем специалистов – один из вариантов сокращения рецидивной преступности. В настоящее время в большинстве населенных пунктов отсутствуют учреждения, выполняющие функцию социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Не существует и соответствующей нормативной правовой базы.

Социальное сопровождение осужденного как в местах лишения свободы, так и после освобождения должно быть индивидуальным. Следует признать, что наиболее эффективно эти вопросы решаются в тех регионах, где налажено взаимодействие с органами местного самоуправления и общественными институтами. Необходимо создать общественно-государственную систему социальной адаптации осужденных, включающую: 1) органы и учреждения, исполняющие уголовные наказания, которые должны готовить осужденных во время отбывания наказания к жизни в обществе; 2) региональные службы социального сопровождения указанных лиц, оказывающие содействие лицам, освобождающимся из мест лишения свободы, и осужденным без изоляции от общества в решении вопросов жилья, трудоустройства, в налаживании и восстановлении социально полезных связей, бесплатной психологической и юридической помощи.

Данные службы должны находиться в ведении органов социальной защиты населения и основываться на общественно-государственном партнерстве (с участием органов местного самоуправления, ФСИН России, МВД России, службы занятости; с привлечением общественных институтов и добровольцев (пенсionеров уголовно-исполнительной системы, бывших осужденных с успешным опытом ресоциализации, общественных наблюдательных комиссий, общественных советов при территориальных органах ФСИН России, МВД России, ФССП России, ФМС России, ФСКН России)). Безусловно, следует предусмотреть

механизмы эффективного контроля (надзора) за исполнением субъектами этой деятельности требований законодательства о постпенитенциарной адаптации. Система контроля (надзора) должна включать органы прокуратуры, Уполномоченного по правам человека в РФ и Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, общественные наблюдательные комиссии субъектов РФ.

Особенности организованной преступности в системе местного самоуправления получили освещение в выступлении доцента кафедры уголовного права Хабаровского филиала Института повышения квалификации Следственного

комитета Российской Федерации, майора юстиции А.В. Быкова (г. Хабаровск).

По мнению майора юстиции А.В. Быкова, организованная преступность представляет собой одну из самых серьезных угроз национальной безопасности. Главный признак организованной преступности как формы противозаконной деятельности преступных сообществ – структурный, означающий объединение лиц для систематического совершения преступлений. Помимо устойчивости, наличия иерархии среди членов деятельность преступных образований обеспечивается жесткой дисциплиной и конспирацией.

Характерной тенденцией в деятельности преступных формирований следует считать усиление взаимодействия с государственными и муниципальными органами, общественными организациями. Организованная преступность пронизывает такие сферы системы самоуправления, как управление публичным имуществом, государственным и муниципальным заказом.

Неблагоприятная ситуация, связанная с ростом организованной преступности в системе самоуправления, становится негативной тенденцией общероссийского и регионального масштаба. Так, что касается Дальневосточного федерального округа, то за 2008–2012 гг. в отношении служащих органов местного самоуправления было возбуждено 118 уголовных дел. Однако латентный характер организованной преступности является основной причиной невыеваемости и недоказуемости наличия организованного преступного сообщества.

В настоящее время прослеживается тенденция сращивания властных структур с бизнесом, взаимодействия власти с криминалом. В сфере местного самоуправления такой вид преступного «бизнеса» встречается в области выдачи разрешений, оформления земельных участков. По своим признакам подобные схемы представляют типичную деятельность организованных преступных групп, однако организация таких групп оказывается настолько отлаженной, что уличить участников становится практически невозможно. Дополнительным фактором, обеспечивающим латентность указанных преступлений, является то обстоятельство, что в реализации преступной схемы, как правило, заинтересованы все ее участники, в том числе и «потерпевший».

Противодействие организованной преступности в сфере местного самоуправления неразрывно связано с реализацией антикоррупционной функции государства в целом. Следовательно, эффективность борьбы с организованной преступностью в местной власти определяется комплексом мер, применяемых для предупреждения коррупции. Основным средством профилактики преступности в сфере местного самоуправления остается ротация кадров и общественный контроль за деятельностью должностных лиц. Введение подотчетности служащих населению сможет в значительной мере затруднить образование каких-либо группировок в системе местного самоуправления.

Интерес к проблеме противодействия организованной преступности на общегосударственном и региональном уровнях предопределил активное участие в работе круглого стола представителей правоохранительной и судебной систем Иркутской области.

В выступлении следователя по особо важным делам Отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета РФ по Иркутской области, подполковника юстиции О.В. Черкашиной основное внимание уделялось новым тенденциям, характеризующим организованную преступность на современном этапе государственно-правового развития.

Наряду с ростом числа этнических организованных преступных формирований негативной тенденцией признано усиление коррупционных связей преступных сообществ с представителями органов государственной власти и самоуправления, в значительной мере осложняющих оперативно-розыскную деятельность и препятствующих реализации принципа неотвратимости наказания.

В выступлении старшего уполномоченного по особо важным делам отдела по борьбе с организованной преступностью Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Иркутской области, подполковника полиции Э.В. Сивого основной акцент был

поставлен на проблемах, возникающих в процессе выявления и раскрытия деятельности организованных преступных групп и сообществ. Значительный рост организованной преступности на территории Иркутской области был отмечен на примере преступлений, совершаемых в сфере хищения чужого имущества. В процессе доказывания основной проблемой является установление признаков организованной преступной группы или преступного сообщества, выявление структурированности преступных формирований, раскрытие ролевых функций участников совершаемых преступлений.

В выступлении председательствующего судебной коллегии по уголовным делам апелляционной инстанции Иркутского областного суда Н.Ю. Шумиловой были раскрыты проблемы, связанные с

правильной квалификацией преступной деятельности организованных преступных формирований. В качестве одного из основных направлений повышения эффективности противодействия организованной преступности отмечалось наличие коллизионных и пробельных норм в действующем уголовном законодательстве РФ.

В завершение работы круглого стола приоритетные направления модернизации законодательства и правоприменительной деятельности в сфере противодействия организованной преступности получили освещение в докладе заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, доктора юридических наук, профессора, главного (научного) редактора «Криминологического журнала Байкальского государственного университета экономики и права» В.А. Авдеева (г. Иркутск).

Профессором В.А. Авдеевым было отмечено, что актуальность разработки эффективных мер по противодействию организованной преступности на внутригосударственном уровне инспирирована совокупностью факторов. Одним из первых детерминантов следует признать закрепленный в Конституции РФ приоритет норм международного права над внутригосударственным механизмом правового регулирования.

В рамках международного сообщества в результате негативных последствий глобализации одной из реальных угроз безопасности человека признается рост транснациональной организованной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств; незаконным приобретением и сбытом огнестрельного оружия; производством, перевозкой, сбытом товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья человека; с похищением людей и торговлей ими с целью эксплуатации; незаконным использованием природных ресурсов, компьютерной информации; с организацией незаконной миграции и т.д. В этой связи международное сообщество вполне обоснованно призвало принять на внутригосударственном уровне реальные меры по гармонизации законодательства и реализации международных актов, в том числе Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протоколов. Вследствие этого основные направления противодействия организованной преступности получили закономерное признание в рамках национальных правовых систем.

Криминальная активизация международной жизни сопровождалась развитием детерминан-

тов организованной преступности на внутригосударственном уровне, которыми послужили негативные последствия реформирования экономической, социальной и политической систем российского общества, связанные с ростом безработицы, падением уровня жизни, монополизацией сфер экономической деятельности, нивелированием культурных и духовных ценностей, усилением правового нигилизма и т.д.

Радикальной мерой по противодействию организованной преступности явилось принятие 18 ноября 1994 г. Государственной Думой в первом чтении проекта Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью». В основу национальной уголовно-правовой политики была положена разработка мер, направленных на «обеспечение государственной и общественной безопасности от организованной преступности», «предупреждение создания и функционирования преступных формирований», «выявление и прекращение их деятельности». Проект закона предусматривал ряд дефиниций, включая определение понятия организованной преступности как «совокупности противоправных деяний организованных преступных групп, преступных организаций и преступных сообществ», а также признаков вышеуказанных преступных формирований.

Однако одним из недостатков данного законопроекта следует признать концентрацию внимания законодателя на регламентации уголовно-правовых мер борьбы с организованной преступностью и легализацией преступных доходов, в частности уголовно-правовой оценке совокупности преступлений, особенностях назначения наказания и освобождения от наказания. Думается, что отсутствие в данном законопроекте комплексной программы противодействия организованной преступности стало одной из причин, исключивших его законодательное оформление.

Особой вехой в развитии национальной политики по борьбе с организованной преступностью стало принятие 12 мая 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, согласно которой угрозой общественной безопасности было признано совершенствование форм противоправной деятельности организованных преступных формирований, связанной с национальным терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, национализмом и этническим сепаратизмом, а также активизацией преступной деятельности в кибернетической и биологической областях и в сфере высоких технологий.

В этой связи на государственном уровне было отмечено, что обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан будет способствовать повышение эффективности мер противодействия организованной преступности, коррупции и наркомании, преступным формированиям в легализации собственной экономической основы.

Возникающие в процессе реализации норм уголовного законодательства коллизии и противоречия инспирировали принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Однако рост числа преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями, вновь артикулировал целесообразность консолидации интересов на законодательном и правоприменительном уровнях. В результате 27 декабря 2011 г. Межведомственной комиссией Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности было принято решение о целесообразности разработки Государственной концепции борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации. Признание противодействия организованным формам преступности в качестве национального приоритета предопределило активное обсуждение в научных, практических и общественных кругах вопроса о разработке и принятии закона о борьбе с организованной преступностью.

Предлагаемые варианты проектов закона об организованной преступности содержат ряд положительных инициатив, требующих осмысления и реализации на законодательном уровне. Вместе с тем хотелось бы артикулировать внимание на следующих моментах. Первоочередной задачей следует признать принятие в контексте норм и принципов международного права с учетом позитивного правового опыта иностранных государств национальной Концепции борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации, призванной содействовать устранению детерминантов, способствующих на политическом, экономическом, социальном и духовном уровнях формированию и деятельности организованных преступных образований.

В развитие Концепции должен быть принят Федеральный закон, консолидирующий все имеющиеся институты национального права, призванные обеспечить реализацию мер противодействия организованной преступности на правоприменительном уровне. Архитектони-

ка закона о борьбе с организованной преступностью должна предусматривать следующую структуризацию. Первостепенной задачей является разработка единого категориального аппарата, позволившего устранить возникающие на практике правовые коллизии, в том числе при квалификации преступных деяний, совершаемых организованными преступными формированиями. С учетом транснационального характера организованной преступности понятийный аппарат должен соответствовать действующим нормам международного права. Вследствие этого под организованной преступностью следует понимать целенаправленную систематическую организованную деятельность преступных формирований, осуществляющих посягательства на права и законные интересы человека, общества и государства.

Обязательной регламентации в законе должны подлежать организационно-практические меры, предусматривающие формирование на федеральном и региональном уровнях системы государственных органов, учреждений, должностных лиц, обеспечивающих надлежащее выполнение предупредительных, профилактических, контрольных, надзорных и иных мер по противодействию организованной преступности. В целях реализации правоохранительной и правосстановительной функций следует провести частичную реструктуризацию системы органов Министерства внутренних дел, направленную на создание компетентного органа, централизующего деятельность по противодействию организованной преступности и выступающего непосредственным звеном в международном механизме борьбы с транснациональной преступностью.

Учитывая сложности установления доказательств организованной преступной деятельности, проблемы, возникающие в процессе оперативно-розыскной деятельности и суда, целесообразным представляется создание специализированных коллегиальных органов, замещаемых лицами, обладающими высоким профессионализмом и систематически повышающими уровень квалификации в рамках международного сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью.

К числу организационных мер можно отнести меры по привлечению к раскрытию деятельности организованных преступных формирований

Главный (научный) редактор «Криминологического журнала Байкальского государственного университета экономики и права», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор

общественных организаций, заинтересованных в решении как политических, так и социально-экономических проблем. В целях повышения правовой культуры общества необходимо предусмотреть организационно-профилактические мероприятия по пропаганде накопленных в процессе развития цивилизации духовных ценностей в противовес насаждению норм тюремной субкультуры и ввести контроль за сферами, осуществляющими воздействие через средства массовой информации. Оптимальной мерой противодействия преступности организованных формирований является создание на региональном уровне специализированного органа, осуществляющего контроль за лицами, отбывшими наказание за преступления, совершенные в составе организованных преступных формирований. Предупредительной мерой рецидивной преступности следует считать возложение на данный орган обязанности по консолидации мер органов государственной власти, самоуправления и общественных организаций по оказанию социальной помощи в части предоставления условий для ресоциализации и социальной адаптации.

Принятие концепции и закона по противодействию организованной преступности невозможно без новеллизации уголовно-правовой политики. Учитывая повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями, а также в целях превенции противоправной деятельности настоятельно требуется ужесточить уголовную ответственность. Немаловажное значение в повышении эффективности противодействия организованной преступности приобретает сбалансированность норм уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права.

Заочное участие в работе круглого стола приняли известные зарубежные и российские ученые, поддерживающие мнение о необходимости принятия кардинальных мер, противодействующих росту организованной преступности на национальном и транснациональном уровнях. Высказанные предложения по модернизации уголовно-правовой политики в сфере противодействия организованной преступности представлены в данном номере «Криминологического журнала Байкальского государственного университета экономики и права».

 В.А. Авдеев